

*Илья Дворкин, Еврейский университет в Иерусалиме,
idvorkin@mail.ru*

**ОГОНЬ И ЛУЧИ. ФИЛОСОФИЯ ИУДАИЗМА
И ХРИСТИАНСТВА В «ЗВЕЗДЕ ИЗБАВЛЕНИЯ»
Ф. РОЗЕНЦВЕЙГА**

Резюме: В статье анализируется философия религии Франца Розенцвейга в контексте всей его философской системы. Будучи одним из зачинателей иудео-христианского диалога, который стал важным явлением культуры XX века, Розенцвейг являлся выдающимся историком и философом, что делает его религиозно-философскую концепцию одновременно глубокой и исторически обоснованной. Для доктрины Розенцвейга характерна опора на немецкую философию религии XIX века, особенно на учение Гегеля и Шеллинга. При этом философ откровенно противостоит своим предшественникам, рассматривая религию не как результат истории мысли, а как ее сосредоточие. В данном контексте у Розенцвейга получается, что иудаизм и христианство это не разные стадии исторического процесса, а разные способы разворачивания гештальта отношений мира, Бога и человека в пространстве и времени. По мысли Розенцвейга, эти способы существенно дополняют друг друга, при этом всегда противостоя друг другу и никогда не сливаясь.

Ключевые слова: философия религии, иудаизм, христианство, гештальт, миф, откровение, творение, избавление, ближний, огонь, лучи, календарь, молитва, церковь Иоанна, ислам, язычество, иудео-христианский диалог.

Ilya Dvorkin, Hebrew University of Jerusalem

**THE FIRE AND THE RAYS. THE PHILOSOPHY
OF JUDAISM AND CHRISTIANITY
IN FRANZ ROSENZWEIG'S *STAR OF REDEMPTION***

Abstract: This paper presents an analysis of Franz Rosenzweig's philosophy of religion within the context of his system as a whole. Franz Rosenzweig is a foundation figure of the Jewish-Christian dialogue, an important cultural event of the XXth

century. Rosenzweig is also an outstanding historicist and philosopher, so that his concept of religion is profound and well-grounded. Rosenzweig's theory takes its roots in the XIXth century German philosophy of religion, such as developed by Hegel and Shelling. At that, the philosopher explicitly confronts his predecessors, since for him religion is not a product of the intellectual history, but rather its focal point. With that, Rosenzweig conceives Judaism and Christianity not as two different stages within the historical process, but as different ways through which the *Gestalt* formed by the relations between Man, God and world unfolds in space and time. For Rosenzweig, these two opposing and never merging ways essentially complement each other.

Keywords: philosophy of religion, Judaism, Christianity, *Gestalt*, myth, revelation, creation, redemption, neighbor, fire, rays, calendar, prayer, the church of John, Islam, paganism, Jewish-Christian dialogue.

1. ФИЛОСОФИЯ ГЕШТАЛЬТА. ВВЕДЕНИЕ

1.1. ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ ФРАНЦА РОЗЕНЦВЕЙГА

Розенцвейг говорил: «Бог создал мир, а не религию!»¹ Скептическое его отношение к институализированной религии хорошо известно. Тем не менее, Розенцвейг был одним из великих религиозных мыслителей, и философия религии занимала его на протяжении всей жизни². Среди произведений, посвященных данной теме, начиная с трактата «Атеистическая теология»³, написанного в 1914 г. до библейских комментариев, которые он составлял до самой смерти, главное произведение Розенцвейга «Звезда Избавления» занимает особое место. Дело в том, что «Звезда» представляет собой целостное изложение философской системы, в которой религия занимает важное место. Религия рассматривается в «Звезде» в соотношении с логикой, математикой, космологией, грамматикой, этикой, эстетикой, историей. В своем главном произведении Розенцвейг строит собственную теорию мифа и откровения, молитвы и заповедей, индивидуальной религиозной жизни и общины. Кроме того, в книге содержится религиоведче-

¹ См. Franz Rosenzweig. Das neue Denken. Eine nachträgliche Bemerkung zum "Stern der Erlösung". In: Der Morgen: Monatsschrift der Juden in Deutschland. 1925, H. 4, S. 442.

² См. напр. Philosophical and Theological Writings. Translated and Edited, with Notes and Commentary, by Paul W. Franks and Michael L. Morgan. Indianapolis, 2000; Amir Y., Turner J., Brasser M. (eds.), "Faith, Truth, and Reason": the Philosophy of Franz Rosenzweig, Freiburg: Karl Alber, 2012 (Rosenzweiana, 6); Casper, B. Religion der Erfahrung: Einführungen in das Denken Franz Rosenzweigs, Paderborn, 2004; Meir, E. Dialogical thought and identity: trans-different religiosity in present day societies. Göttingen, 2013.

³ См. "Atheistische Theologie" Der Mensch und sein Werk. Gesammelte Schriften III, S. 687–97.

ская концепция, соотносящая классическую мифологию Древней Греции с религиозными представлениями Индии и Китая, доктрина интерпретирующая иудаизм, христианство и ислам и соотносящая их друг с другом.

Все это богатство содержания книги Розенцвейга, однако, требует существенных оговорок. Книга Розенцвейга не монография по антропологии или религиоведению, это философский текст, многие выводы которого плохо сочетаются с историческими или историко-культурными исследованиями. Попытка понять с единых позиций все религиозные явления у многих может вызвать принципиальное неприятие. Концепцию Розенцвейга следует рассматривать в контексте философии религии Гегеля и Шеллинга, Ницше и Кьеркегор, Бубера и Левинаса, русских и западноевропейских мыслителей начала 20-го века.

При всем многообразии идей Розенцвейга, центральное место в его философии религии занимает отношение иудаизма и христианства. Такое положение дел связано как с европейской философской традицией, для которой христианство является важнейшей источником, а иудаизм наиболее близкой альтернативой, так и с личной ситуацией Розенцвейга, который будучи немецким евреем начала 20-го века, находился в ситуации острого личного выбора между отеческой религией иудаизмом и претендующим на общечеловеческий характер христианством.

Для Розенцвейга этот выбор являлся религиозным поступком, движением против течения, осуществлением акта свободы, ведь христианизация европейских евреев происходила сама собой, как естественный процесс.

*Письмо к родителям, Фрайбург, 6.11.1909*⁴

Мы совершенные христиане, мы живём в христианском государстве, ходим в христианские школы, читаем христианские книги, в общем, вся наша «культура» полностью базируется на христианстве...

Крестились многие родственники и друзья Розенцвейга на этом фоне, казалось бы, сопротивление общему движению бессмысленно. Розенцвейг пытается понять свою связь с иудаизмом, она представляется ему весьма экзотической.

Запись из дневника от 27.3.06⁵

На чём же *основывается мое еврейство?*

I. «Это вера моих отцов»...

II. «Я соблюдаю некоторые понравившиеся мне обычаи — но реального основания за этим нет»...

III. «Верю в Платон'а»...

IV. «Мне нравится представлять картины библейской истории»...

⁴ См. Rosenzweig, Briefe und Tagebuecher. Haag: Martinus Nijhoff, 1979. — I:94.

⁵ См. там же I:36.

Вера в Платона является, конечно, странным выражением еврейства, но для еврейских интеллектуалов Европы такое выражение не случайно. Однако, ведь можно верить в Платона, будучи и христианином. Решающим событием, определившим еврейство Розенцвейга, являются не его рассуждения, а религиозные переживания, которые его охватили осенью 1913 г.⁶ В итоге Розенцвейг не только остается евреем, но становится одним из наиболее ярких еврейских философов современности.

Понятно, что все эти события жизни, как и окружавшая его среда, привели Розенцвейга к необходимости отдать самый тщательный отчет о взаимоотношении между иудаизмом и христианством. Идеи Розенцвейга в этом отношении очень существенно повлияли на современный межконфессиональный диалог, притом повлияли парадоксальным образом. Дело в том, что сам Розенцвейг, по крайней мере, как философ, не видит оснований для взаимодействия иудаизма и христианства. Для него эти две религии существуют параллельно и дополняют друг друга не как доктрины, а как историческая практика мира.

Розенцвейг Звезда избавления, с. 456–7⁷

Для Бога и еврей, и христианин — это работники, трудящиеся над одним делом. Он не поступит ни одним из них. Бог установил между ними вечную вражду, но Он же самым тесным образом связал их друг с другом. Нам Бог дал вечную жизнь, поселив в нашем сердце огонь звезды своей истины. Христиан Он поставил на вечный путь, постановив, что они до вечного конца будут спешить вслед за лучами этой звезды Его истины.

В свете этого парадокса единства и раздельности иудаизма и христианства вопрос об иудео-христианском диалоге приобретает особую остроту. Несмотря на свою теоретическую невозможность, этот диалог стал существенной частью самой жизни философа и содержанием не только его книг, но большой личной переписки⁸. В конце 20-го века Розенцвейг превратился в одного из классиков иудео-христианского диалога. В некотором роде его практика оказалась сильнее его теории. Сама возможность такого

⁶ Рассказ о посещении накануне предполагаемого крещения ортодоксальной синагоги во время праздника Йом Кипур, которое полностью перевернуло намерения Розенцвейга, как считают исследователи, является, скорее, укоренившейся легендой, чем описанием биографических подробностей. Однако этот рассказ вполне отражает само настроение Розенцвейга и его отношение к религии. См.

מאיר א. כוכב מיעקב – חייו ויצירתו של פראנץ רוזנצווייג, הרצאת מאגנס, 1994. התיבין ר'. פרינץ רוזנצווייג – הכוכב והאדם: קובץ מחקרים. עורך – אביעזר כהן. באר-שבע, 2010.

⁷ Все цитаты из «Звезды избавления» приводятся по изданию: Розенцвейг Ф. Звезда избавления. Отв. ред. и сост. И. Дворкин; пер. с нем. яз. Е. Яндугановой. М.: Мосты культуры. Гешарим, 2017.

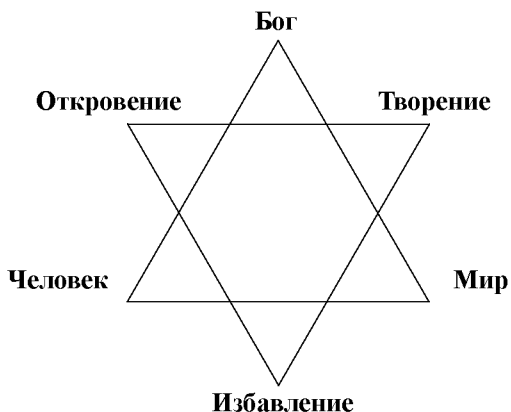
⁸ Особенно стоит отметить его переписку с Розенштоком-Хьюсси и его женой Маргрит Розеншток (Григли). См. Die Gritli-Briefe. Hrsg. von Inken Rühle/Reinhold Mayer. Tübingen, 2002.

диалога после катастрофических событий 20-го века требуют корректив по отношению к философии религии Розенцвейга. Однако это делает изучение этой философии еще более актуальным.

1.2. ЗВЕЗДА КАК ГЕШТАЛТ И КАК ФИЗИЧЕСКОЕ ТЕЛО

Чтобы определить место религии, в том числе иудаизма и христианства в книге Розенцвейга, нужно коротко охарактеризовать его философию в целом. Розенцвейг противопоставляет свою философию, которую он называет «новым мышлением» онтологической традиции — философии от Парменида до Гегеля. Старая философия пыталась рассматривать Абсолют как схваченное мышлением бытие. Так понятый Абсолют, всегда представляет собой нечто уже завершенное, остановившееся. Даже если в нем присутствует какая-то динамика, то это неизменная уже определившаяся динамика прошлого. Розенцвейг обнаруживает, что Абсолют, понятый таким образом, распадается сразу на три Абсолюта — мир, Бога и человека, которые Розенцвейг называет элементами. Хотя каждый элемент имманентно содержит в себе другие элементы, он может также рассматриваться и как трансцендентный исток других элементов. Таким образом, кроме явлений, которые осуществляются внутри элементов возможны межэлементные процессы, которые не сводятся к чему бы то ни было уже существующему. Каждый из таких процессов Розенцвейг называет траекторией (Bahn). Траектории реализуются в настоящее время и выражают отношения между элементами. Три элемента Розенцвейга — мир, Бог и человек — объединяются тремя траекториями — творение, откровение и избавление. В итоге получается фигура «звезды избавления» (см. диаграмму), которую Розенцвейг характеризует как гештальт.

Концепция гештальта является оригинальной доктриной Розенцвейга, предполагающей рассмотрение реальности на трех уровнях, в соответствии с которыми строятся три части его книги. Первый уровень — это

мир элементов, который Розенцвейг характеризует как предмир. Религия здесь представлена как мифология, она имеет совершенный и завершенный характер. Как подчеркивает Розенцвейг, миф — это отнюдь не только древняя мифология, а скорее определенный тип сознания. Исторически мифу противостоит откровение, которое, в отличие от мифа, имеет не элементную, а траекторную природу. В своей концепции мифа и откровения Розенцвейг опирается на философию Шеллинга, но модифицированную новой теорией гештальта⁹. Мифология всегда касается замкнутой, завершенной религиозной реальности и осуществляется на уровне элементов. Откровение осуществляется в виде траектории в настоящее время и противостоит заданному предмиру мифологии. Третий уровень рассмотрения — исследование динамики гештальта как целого.

Понятно, что мир, Бог и человек, хотя и воспринимаются в своей полноте в разных философских системах в качестве Абсолюта, но не тождественны друг другу. Также и траектории — творение, откровение и избавление, хотя и имеют подобную логическую структуру, содержательно существенно отличаются друг от друга. По этой причине, объединяющий названные элементы и траектории гештальт «звезды избавления» является чрезвычайно содержательной структурой. Чтобы проиллюстрировать его нетривиальность, сравним гештальт с понятием субъект-объектных отношений. Казалось бы, эти отношения реализуются на траектории человека и мира, которая у Розенцвейга называется избавлением. Однако субъект-объектные отношения, как их рассматривает классическая философия, неизбежно редуцируются до тотальности субъекта или объекта и тем самым сводятся к уровню элементов. В рамках розенцвейговского гештальта отношения между человеком и миром опосредованы отношением человека и мира с Богом. Обладающий откровением человек вступает в отношения с подлежащим творению миром. Такое отношение нетривиально и полно драматизма, субъективность и объективность оказываются по отношению к нему только аспектом.

Отношения элементов, траекторий и гештальта разворачивается в концепции Розенцвейга касательно различия природы времени. Элементы всегда представляют собой завершившееся или неизменно длящееся прошедшее время. Траектории осуществляются в настоящее время, гештальт всегда представляется как реальность будущего. Понятно, что именно в

⁹ Хотя Ф. Розенцвейг считается общепризнанным специалистом по Гегелю, ему самому была ближе философия Шеллинга. Об этом же по-своему свидетельствует его знаменитая находка — рукопись «первой программы системы немецкого идеализма» сделанная рукой Гегеля под диктовку Шеллинга. См. Гегель. Работы разных лет. Т. 1. М., 1972, с. 211. Об отношении Розенцвейга к философии Гегеля и Шеллинга см. שורץ, מ. מ'יתוס להתגלות. [תל אביב], 1978.

гештальте динамика всего целого осуществляется в полноте. Поэтому Розенцвейг подчеркивает, что гештальт реализуется и на уровне элементов, и на уровне траекторий, но только на уровне собственно гештальта он раскрывается.

Структура отношения прошедшего, настоящего и будущего времени в гештальте позволяет Розенцвейгу рассматривать «звезду избавления» и как геометрическую фигуру и как физическое тело. Хотя явление термоядерного синтеза еще не было известно во время написания книги, описание Розенцвейгом сердцевины звезды, огонь которой постоянно порождает сам себя, существенно напоминает современные Розенцвейгу поиски в области астрофизики.

1.3. БЛИЖНИЙ И ДАЛЬНИЙ. КОНЦЕПЦИЯ ЛЮБВИ В ФИЛОСОФИИ РОЗЕНЦВЕЙГА

Важнейшим основанием иудаизма и христианства, как отмечает Розенцвейг, является заповедь любви к ближнему¹⁰. Розенцвейг понимает ближнего (*der Nächste*) буквально — тот, до кого дотягивается рука.

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 305

... акт любви пока ещё слеп, он не знает, что он совершает, и он не должен этого знать, он проворнее, чем знание; он делает ближе, и то, что он делает, считает ближним.

Но ведь заповедь любви относится не только к человеку, но и к Богу, а Бог никак не является ближним в буквальном смысле этого слова. Может быть, языческие боги, которые находятся рядом, повсюду в природе и близки человеку в буквальном смысле. Но Бог монотеизма, абсолютно бесконечный и непостижимый, очень далек, его невозможно просто увидеть или пощупать. Однако именно к такому скрытому Богу стремится, по Розенцвейгу, душа человека, она ждет, чтобы Бог открылся ей и открыл ее Себе. Эта обращенная к Богу любовь жаждет взаимности и тем самым меняет перспективу. Ближнее начинает взаимодействовать с дальним, а дальнее — с ближним.

Обращенность человека к Богу выражается в молитве, т. е. в той самой человеческой способности к речи, которая вырывает человека из тотальности сотворенного и открывает перед ним перспективу откровенного.

¹⁰ Исследование природы ближнего было характерно для всего направления мысли, идущего по следам Германа Когена, который провозгласил «ближнего» не просто целью моего существования, но источником меня самого как личности. Этой теме посвящены не только важные главы «Этики чистой воли», но и специальная работа, которая так и называется «Ближний». См. Cohen, H. *Der "Nächste": vier Abhandlungen über das Verhalten von Mensch zu Mensch nach der Lehre des Judentums*. Berlin: Schocken Verlag, 1935.

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 305

... молитва не слепа, она ставит мгновение, совершенное в это мгновение действие и решившую в это мгновение волю, то есть близкое прошедшее и близкое будущее этого мгновения одиночества, в свет Божественного лица. Это — просьба о просветлении: «Освети очи мои» (Пс. 13, 4).

Понятия просветления, света и огня являются центральными темами 3-й части «Звезды избавления». Это слово *Erleuchtung*, которое мы переводим подобно буддийскому *bodhi* — «просветление» Розенцвейг понимает в необычном для европейской философии смысле. Человек ждет именно просветления глаз, и уже только потом — открытия ушей. Отношение глаз и рук устанавливает отношение между дальним и ближним и, следовательно, между любовью к Богу и любовью к человеку.

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 305–6

Освети очи мои — они слепы, но руки работают; ближнего и ближайшего не найдет ищущий взор, но его открывает на ощупь рука, когда он стоит прямо перед ищущим.

Таким образом, направленная к Богу, одновременно обращенная близко и далеко, любовь полностью меняет перспективу и открывает возможность соединения далекого и близкого. Однако этот поиск, по мысли Розенцвейга, дело совсем не простое. Более того, он таит великую опасность ошибки, в которой виноваты как раз глаза. Человек легко может сбиться с пути и уйти от предмета своей любви в бесконечное блуждание в мире, ведь между ближним и дальним расположен весь мир.

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 309

Магическая сила отдельного молящегося, если она уносится дальше, чем к ближнему, попадает в пустоту. Следующий-за-ближним, к которому она пытается воспарить, не принимает ее в себя, она не находит почвы в нем и не находит дороги назад от него.

«Следующий за ближним» (*der Übernächste*) — удивительное понятие, введенное Розенцвейгом. Однако Ближний является парадоксальным ключом к дальнему, но он же является источником ухода от него, т. е. источником идолопоклонства и греха.

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 309

Это — несчастная сторона любви к следующему-за-ближним. Хотя любовь совершает подлинный акт любви, она умирает, достигнув цели, так же, как и целевой акт: принудительность ее притязания оказывается для нее губительной.

Понятие «следующий за ближним» раскрывает нам на уровне пространственного универсума как познание и любовь могут привести не к просветлению и счастью, а пустоте и злобе. Оказывается, что ближний — это не только пространственная определенность, но и проявленность божественного дара любви в человеке.

2. ОГОНЬ. КОНЦЕПЦИЯ ИУДАИЗМА

2.1. СУЩНОСТЬ ИУДАИЗМА. ОГОНЬ «ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ»

Первую книгу третьей части «Звезды» Розенцвейг начинает и завершает фрагментом благословения, которое произносят после чтения Торы.

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 336, 374

Благословен Тот, Кто укоренил среди нас вечную жизнь.

Словосочетание «вечная жизнь» (Ewiges Leben) вынесенное в название 1-й книги 3-й части, прямо противоположно понятию «бытия к смерти» (Sein zum Tode) с которого начинается 1-я часть. Но что это такое вечная жизнь? Розенцвейг это описывает следующим образом:

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 336

В центре звезды горит огонь. Только из огня рвутся и текут неудержимо наружу лучи. Этот сердцевинный огонь должен гореть не угасая. Его пламя должно вечно питать себя из себя самого... Он должен увековечивать свою жизнь в непрерывной смене поколений, каждое из которых порождает последующее и свидетельствует о предках.

Образ сердцевины звезды, которая постоянно воспроизводит себя, порождает собственное время и распространяет свои лучи по всему миру, у Розенцвейга ассоциируется с еврейским народом, который по мысли Розенцвейга, не просто воспроизводит сам себя, но и воспроизводит в себе Божественную силу любви. В материи звезды свет и огонь соединяются друг с другом. Звезда светит сама себе, но ее лучи распространяются по окружающему пространству. Звезда является физическим выражением идеи гештальта. Осуществляющееся в ней творение соединяется с исходящим из нее откровением. Единство творения и откровения в ней является также основой избавления. Звезда-гештальт выражает сущность еврейского народа¹¹.

В рамках концепции Розенцвейга, гештальт с самого начала был мотором, в котором разворачивались элементы и траектории, но в третьей части «Звезды» гештальт является в собственном обличии. Его сердцевина, огонь, в котором творение, откровение и избавление представлены в единстве, — это еврейский народ, для которого творение, откровение и избавление является постоянной динамической основой существования. Его разворот, точнее, путь, представляющий разворачивание траектории — лучи — это христианство, которое занято распространением гештальта в мир, и, наконец, сам гештальт в своей полноте — это абсолютная истина, которой посвящена 3-я книга.

¹¹ Тема света и огня является центральной в философии начиная с досократиков. Для Розенцвейга особая значимость этой темы обусловлена тем, что не только в философии, но и в религии с глубокой древности в символике света и огня соединяется творение и откровение. См. Samuelson Norbert M. Tracing Rosenzweig's Literary Sources — Psalm 115. — Brassler, M. (ed.). Rosenzweig als Leser: Kontextuelle Kommentare zum "Stern der Erlösung," Tübingen, 2004. — s. 496.

2.2. ВЕЧНЫЙ НАРОД И ЕГО СВОЙСТВА (РОДСТВО, ЗЕМЛЯ, ЯЗЫК, ЗАКОН)

В своей книге Розенцвейг занимается не только описанием сущности «еврейства», но и дает интерпретацию разных аспектов его существования. Оно удивительно и сочетает в себе обыденное и священное, партикулярное и универсальное, возвышенное и приземленное. Первая странность «вечного народа» состоит в том, что он является народом. Это значит, что он объединен не общей идеологией, не будущим или прошлым, а самим состоянием кровного родства. Самосохранение еврейства, осуществляющееся через порождение и род, его способность выстоять и неумолимая сила преемственности, по Розенцвейгу, является выражением устойчивости гештальта-звезды. Другая странность концепции Розенцвейга, с формулировкой которой не согласятся многие современники, — это его теория земли.

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 337–8

Народы мира не могут довольствоваться кровной общностью, они пускают свои корни в темную, мертвую, но дарующую им жизнь землю, и ее вечность гарантирует их бессмертие... Только мы доверились крови и оставили страну, благодаря чему сберегли драгоценный сок жизни, который гарантирует вечность для нас.

Не-сионистская концепция еврейства Розенцвейга, отрывающая народ от земли, нуждается в пояснении. Отрыв от земли для Розенцвейга не является отрывом от материи. Скорее, речь идет об исключении из политической жизни ради жизни духовной. Отсюда же вытекает и отношение Розенцвейга к языку.

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 340

Святость собственного языка оказывает такое же влияние, как святость собственной страны: она не позволяет расточить всю полноту чувства на повседневную жизнь, не позволяет никогда вечному народу жить в полном согласии со временем. Святость языка служит оградой для молитвы, сферы самой возвышенной жизни. С таким языком народ не будет жить свободно и непринужденно.

Здесь, казалось бы, Розенцвейг противоречит сам себе. Не он ли только что утверждал, что язык является главным посредником между Богом и человеком? Однако, как и в вопросе о земле, Розенцвейг ставит проблему языка как сакрального значительно глубже, чем кажется на первый взгляд. Не случайно, словно отзываясь на его оценку иврита как святого языка, выключенного из исторической реальности, Гершом Шолем в своем знаменитом письме к Розенцвейгу из Иерусалима в 1926 г. пишет:

*Письмо Шолема Розенцвейгу 1212.1926*¹²

Эта страна похожа на вулкан с бурлящей магмой языка... Здеишние люди, определенно, сами не понимают, что делают. Они думают, что

¹²См. Жак Деррида. Глаза языка. — Еврейское Образование 2004. 1–2. С. 49.

они секуляризовали древнееврейский язык, лишили его апокалиптического острия...

Шодем не только вторит розенцвейговской концепции огня, называя иврит вулканической магмой, он также поддерживает его опасение, что превращение сакрального языка в обыденный чревато великими потрясениями.

Наконец, самым удивительным свойством еврейского народа, согласно Розенцвейгу, является закон. Закон, т. е. галаха, не воспринимается еврейской традицией как набор навязанных извне требований, а является постоянно воспроизводящейся практикой существования, реализующейся в виде обычая.

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 342

Обычай и закон, не приумножаясь и не изменяясь, утекают в резервуар ныне и вечно действительного. Форма жизни, в которой слились воедино обычай и закон, наполняет мгновение и увековечивает его.

Все отмеченные свойства в совокупности приводят к концепции отделенности еврейства, как понимает его Розенцвейг. Эта отделенность им формулируется как особое отношение со временем, выражающееся в еврейском календаре.

2.3. ПРАКТИКА ИУДАИЗМА. КАЛЕНДАРЬ

Отождествление ядра звезды с еврейским народом приводит Розенцвейга к особой концепции еврейского времени, которое разворачивает гештальт в структуре календаря. Поэтому Розенцвейг классифицирует еврейские праздники в соответствии с траекториями гештальта: праздники творения, праздники откровения и праздники избавления. Отправной точкой еврейского календаря является сотворение мира, от него ведется отсчет лет.

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 342

Летосчисление такого народа не может быть счислением его собственного времени, ибо этот народ — вне времени, у него нет времени. Он должен вести счет годам по годам существования мира.

Главным праздником творения, согласно Розенцвейгу является шаббат. С одной стороны, шаббат распространяет идею творения мира на весь год, т. к. память о сотворении мира каждую неделю возобновляется при чтении недельных разделов Торы. С другой стороны, шаббат, согласно Розенцвейгу, вмещает в себя все три траектории гештальта. Шаббат начинается с творения, о котором вечером свидетельствует община, продолжается откровением, потому что именно синайское откровение заповедало шаббат и только после исхода из Египта евреи стали его соблюдать. Наконец, завершение дня напоминает о будущем избавлении. Три ежегодных паломнических праздника — Песах, Шавуот и Суккот, в соответствии с классификацией Розенцвейга, описывают процесс откровения. При этом подобно трем частям шаббата, они выражают также идеи творения и избавления. Наконец,

главными праздниками избавления являются судные дни от еврейского нового года (Рош а-Шана) до Йом Кипура. Таким образом, по мысли Розенцвейга, еврейский календарь разворачивает в себе весь гештальт, структурируя временную жизнь человека в соответствии со строением вечности.

2.4. СОЦИОЛОГИЯ. ГЕНЕЗИС ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ

Основой еврейской социальности Розенцвейг считает совместное слушание. Ведь слушание является первым этапом самореализации слова.

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 347

Слово само должно привести человека к тому, чтобы он научился совместно молчать. Началом этого воспитания является то, что он учится слушать.

Совместное слушание имеет вполне конкретное воплощение в жизни общины — это присутствие всей общины во время публичного чтения и комментирования Торы. Розенцвейг подчеркивает, что генезис общины происходит именно вокруг общего текста. Еженедельно повторяющееся чтение недельных разделов Торы становится основой консолидации народа как общины. Однако, по мнению Розенцвейга, главным элементом консолидации является застолье.

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 354

Общая трапеза ... означает всегда реальную, действенную и подверженную действию общность.

Розенцвейг иронизирует над «нечестивым обыкновением есть в одиночестве, распространенным в трактирах, по большей части среди тех, кто за едой читает “свою газету”». Однако генезис общины не завершается на трапезе. Ведь трапеза объединяет только собравшихся в одном доме, в одной общине, в одно время. Настоящим объединением всего народа во все времена является совместное приветствие, которое, по мысли Розенцвейга, заключено в совместном преклонении перед Всевышним. Немецкое слово «Gruß» обозначает и приветствие при встрече или расставании, и совместное преклонение колен во время молитвы. Это понятие во многом родственно ивритскому понятию благословения (ברכה, браха).

Во всей формулировке «социологии общины» Розенцвейг подчеркивает, что совместность и целостность общины выражается не в речи, а в молчаливом приветствии. Но путь к этому молчанию осуществляется через речь — через застольную беседу, совместное чтение и изучение Торы. Не напрасно Розенцвейг подчеркивает, что изучение Торы, которая сочетает в себе закон и обычай, позволяет евреям подняться над мифом, преодолеть постоянный бунт против закона, который у евреев перевоплощается в процесс учения.

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 342

Народы мира живут в бесконечных революциях, когда закон сбрасывает свою старую кожу, а здесь царит закон, не отменяемый никакой революцией.

Социология еврейской общины, по Розенцвейгу, рассматривает в единстве и взаимодействии жизнь личности как свободного индивидуума и жизнь народа как осуществляющегося из поколения в поколение коллектива. Идеи Розенцвейга существенно повлияли на теорию и практику иудаизма в 20-м веке.

3. ЛУЧИ. КОНЦЕПЦИЯ ХРИСТИАНСТВА

3.1. ОТНОШЕНИЯ ИУДАИЗМА И ХРИСТИАНСТВА. ОТ МАЙМОНИДА К РОЗЕНЦВЕЙГУ

Странность взаимоотношений между иудаизмом и христианством вызывает изумление уже почти две тысячи лет. Многие христиане до сих пор не могут понять, почему евреи не приняли Иисуса в качестве мессии, ведь именно к ним он пришел в первую очередь. Однако и для евреев христианство представляет огромную теологическую проблему. Почему Бог отвернулся от своего народа и дал силу и величие лжемессиянским общинам, столетиями преследовавшим Израиль? Ответов, серьезно разрабатывающих данную тему, существует не так много, одним из них является концепция Маймонида, согласно которой распространение христианства по всему миру — это способ подготовки народов к принятию монотеизма.

*Маймонид. Мишне Тора. Законы царей*¹³

6. Также Ишуа а-ноцири уподобился Мессии и был казнен судом. О нем пророчествовал Даниил, как сказано: «и поднимутся мятежные из народа твоего, чтобы исполнить видение, но потерпят поражение» (Дан. 11:14). Ведь поражение великое в этом! Потому, что все пророки говорили, что Мессия избавит Израиль и спасет его, соберет его остатки и укрепит их в заповедях. А этот привел к гибели народ Израиля от меча, к рассеянию его остатков, их унижению и изменению их Торы, ввел большую часть мира в заблуждение, приведя их к служению богу помимо Господа.

7. Однако никакой человеческий разум не в силах постигнуть мысль Творца, «ибо его пути — не наши пути и Его мысли — не наши мысли» (Ишая. 55:8). И все эти дела Ишуа а-ноцири и того шиммальтянина, который восстал после него, были не для чего иного, как чтобы выпрямить пути для Царя Мессии и исправить мир для служения Господу всем вместе,

¹³ Цитируется по йеменской рукописи Мишне Тора, т. к. в изданиях, распространенных в Европе, данный фрагмент был исключен по цензурным соображениям. Пер. И. Дворкина.

как сказано: «Ибо тогда опять Я дам народам уста чистые, чтобы все призывали имя Господа и служили Ему единодушно» (Цф. 3:9).

8. Каким образом? Ведь наполнился уже весь мир разговорами о Мессии и словами Торы и заповедей. Эти слова распространились среди жителей дальних островов и среди многих народов, необрезанных сердцем. Все они теперь обсуждают эти предметы и слова Торы. Одни утверждают, что заповеди были истинными, но утратили свою силу в наше время и не должны исполняться в будущих поколениях, а другие заявляют, что заповеди имеют тайный смысл и не должны пониматься буквально и что Мессия уже пришел и раскрыл их тайное значение. Но когда придет и преуспеет истинный Мессия, да будет он возвышен и вознесен, все они немедленно покаются и уразумеют, что их пророки и предки ввели их в заблуждение.

Розенцвейг начинает свою 2-ю книгу 3-й части «Звезды», посвященную христианству, с прямой цитаты из книги Маймонида.

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 375

Никакой человеческий разум не в силах постигнуть мысль Творца, ибо его пути — не наши пути и Его мысли — не наши мысли (Ишайя 55, 8–9). Этими словами о путях Бога в конце большого обзора всего содержания Устного и Письменного Закона, который представил нам Маймонид в «Повторении Торы», он предваряет следующие утверждения.

Розенцвейг не только воспринимает историософскую концепцию Маймонида, которая объясняет существование религий, притесняющих еврейский народ необходимостью распространения знания о Боге среди язычников. Его концепция самого язычества имеет немало общего с маймонидовской. Последний не считает язычество чем-то случайным, а видит в нем отражение внутренней связи человеческого общества с материей. Интеллект, погруженный в материальность, говорит на языке воображения. Языческая мифология, согласно Маймониду, выражает религиозные чувства и мысли человека в форме воображаемых сущностей. Тора превращает воображение в носителя истинного знания «путей Божиих». Однако она отделяет евреев от язычников. В данном контексте христианство оказывается идеальной средой для распространения монотеизма, потому что оно сочетает языческий образ мысли с монотеистическими убеждениями. Маймонид легитимирует христианство и ислам для народов мира, рассматривая их как путь народов к Торе.

Этот подход оказывается определяющим и для концепции Розенцвейга. Христианство Розенцвейг описывает как вечный путь исторического распространения знания о Боге. Иудаизм связан с христианством, как огненная сердцевина звезды связана с распространяющимися вокруг нее лучами.

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 376

Из огненного ядра звезды рвутся наружу лучи. Они ищут свой путь наружу сквозь долгую ночь времен. Это должен быть не временный, но вечный путь, хотя он и пролегает во времени. Путь не может отпри-

цать время, ибо он бежит чрез время. И все-таки время не может обрести власть над ним.

Основное сущностное различие между иудаизмом и христианством, по Розенцвейгу, состоит в разном характере взаимоотношения времени и вечности. Иудаизм полностью вбирает время в себя, христианство побеждает время, но при этом распространяется во времени. Таким образом, розенцвейговская философия времени оказывается центральным моментом и в его философии религии.

3.2. ОТНОШЕНИЕ САКРАЛЬНОГО И ПРОФАННОГО

Разное отношение ко времени в иудаизме и христианстве, с точки зрения Розенцвейга, обусловлено разным отношением сакрального и профанного в этих религиях. Для иудаизма профанное и сакральное составляют единое динамическое целое: все это жизнь и осуществление Торы. Отношения святого и будничного пронизывают повседневный быт евреев, и являются основным стержнем их образа жизни. В отличие от этого, христианский мир поделен сакральным и профанным на две части. Ценность профанного находится вне религии. Но на деле и в христианстве, с точки зрения Розенцвейга, профанное составляет цель, в нем церковь находит свою реализацию.

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 413

Церковь ради избавления выводит свой культ в мир и вынуждена дополнять его светскими праздниками.

Пытаясь распространить свое священное ядро на профанную реальность, христианство выполняет главное свое историческое предназначение. Под распространением Розенцвейг понимает не только миссионерство и христианизацию языческих народов, но и внутреннюю христианизацию самого христианства. Ведь, согласно Розенцвейгу, христианство — это всегда наполовину язычество. Здесь возникает чрезвычайно интересная диалектика отношений христианства и иудаизма. Христианство как бы имеет иудаизм внутри самого себя, но отдать себе в этом отчет оно полностью не может, т. к. это приведет к отказу от собственной сущности. Однако и иудаизм нуждается в христианстве, хотя он не способен себе в этом признаться.

3.3. ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ В ХРИСТИАНСТВЕ

Выше мы обратили внимание на то, что процесс избавления прямо связан с проблемой времени. Чтобы осуществить избавление, необходимо выйти из-под власти прошлого и обрести свое настоящее. В некотором роде, это значит попасть в Божье время.

Различие между иудаизмом и христианством, как их понимает Розенцвейг, состоит в том, что иудаизм пребывает в этом времени благоволения, будучи семенем и огнем и сохраняется в состоянии вечности. Христианство соединяет настоящее с прошлым и будущим и разворачивается в истории как луч света, как дерево, которое плодоносит.

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 310

Только когда приходит, наконец, ее время, эта земля плодоносит.

Плодоносящая земля — это образ процесса избавления, который происходит в истории. Однако для осуществления такого процесса необходимо соединять в себе монотеистическую близость к Богу и языческое мифологическое сознание. Образцом такого сочетания для текста «Звезды» становится личность Гете¹⁴.

Розенцвейг приводит пример двух человек, молитва которых «падает в момент благоволения». Один из них Моисей, человек Божий, каким он предстает в 90-м псалме. В нем выражается концепция иудаизма. Носителем концепции христианства оказывается Гете. Моисей молится такими словами:

Пс., 90 (89), 17

И да будет милость Господа Бога нашего на нас, и дело рук наших утверди для нас, и дело рук наших утверди.

Похожая молитва и у Гете («Надежда», пер. М. Лозинского):

Приведи мой труд смиренный, счастье, к цели возжеленной! Дай управиться с трудами!

Обе эти молитвы, отличающиеся разве что числом местоимения первого лица, выражают, по мысли Розенцвейга, точное попадание человека в Божественное время. Однако разница между ними тоже огромна. Моисей, человек Божий, молится не о собственном преуспевании, а о состоянии народа. Такая молитва не может быть не услышана, говорит Розенцвейг. Но и Гете, хотя и молится исключительно о своей собственной судьбе, достигает Божественного благоволения.

В данной связи Розенцвейг выдвигает удивительный тезис о Гете. Тезис сформулирован словами самого Гете:

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 315

Гете сказал, что в свою эпоху он, возможно, — единственный [такой] христианин, какого желал Христос.

Розенцвейг пытается понять, в каком именно смысле Гете, пантеист и, по собственному его признанию, язычник, является «единственным христианином». Чтобы разобраться в данном вопросе, мы должны проследовать с Розенцвейгом по истории христианства, которую он разворачивает в тексте «Звезды» в качестве вставного рассказа о христианстве Гете.

¹⁴ О месте Гете в философии Розенцвейга см. Дворкин И. С. Спуск к матерям. Поэтическая философия Франца Розенцвейга. Спуск к Матерям с Гегелем и Гете. Архэ. Вып. 7. М., 2014.

3.4. ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСТВА. ГЕТЕ И ЦЕРКОВЬ ИОАННА

Розенцвейг говорит о трех эпохах христианства: церкви Петра, церкви Павла и церкви Иоанна. Данная концепция была подробно изложена Шеллингом в 37 лекции его «Философии откровения».

*Шеллинг. Лекции по философии откровения, т. 2, с. 361–2*¹⁵

Церковь, построенная на авторитете Петра, привела все это лишь к внешнему единству. В Павле же было подготовлено то начало, через которое Церковь снова смогла освободиться не от единства как такового, а только от своего слепого единства. Это начало заявило о себе в Реформации... Последнее единство, не испытывающее никакого внешнего принуждения, приходится на третий период, на который уже намекает третий великий апостол, святой Иоанн.

Именно с церковью Иоанна связано, по мысли Шеллинга, будущее христианства. Розенцвейг, принимая в целом историческую концепцию Шеллинга, делает из нее вывод о том, что будущее в истории христианства принадлежит России, которая естественно ассоциируется с церковью Иоанна.

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 323

В это время в сферу христианства вступает третья христианская церковь и ее народы. Она стара, как две предыдущие, — ведь только кажется, что они идут друг за другом, на самом деле они все одинаково стары. Это восточная церковь. Для христианства она становится жизненно важной, но не как некая новая церковь. Из России Алексея Карамазова старые церкви получают силу, чтобы обновить свои веру и любовь.

Ассоциация церкви Иоанна с Россией совершенно естественна, если признать церкви Петра и Павла выражением католицизма и протестантизма. Но что собой представляет эта новая, нарождающаяся церковь Иоанна?

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 324

Церковь Иоанна безобразна, по необходимости не имеет структуры и поэтому всегда нуждается в организованных церквях. Первым из отцов этой церкви был Гете, хотя приходится всё-таки считать его язычником — а это действительно было так.

Гете и Алеша Карамазов — два человека, искренняя молитва которых направлена на материальный мир. Ими, по мысли Розенцвейга, начинается новое христианство. Сочетание язычества и монотеизма для этого христианства еще более явно, чем для предшествующего. Но без этого сочетания избавление не может быть путем.

¹⁵Ф. В. Й. Шеллинг. Философия откровения. Т. 1–2. СПб., 2002. С. 361–362.

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 380

Христианство — вечный путь — должно постоянно распространяться. Если оно будет просто сохранять себя в том же состоянии, оно откажется от своей вечности и умрет.

Таким образом, христианский мир формирует исторический процесс как особую реальность. Однако эта реальность оказывается целостной только внутри самой себя и не отдает себе отчет в том, что происходит вне ее. А за границами христианской реальности остаются ее языческие и иудейские источники.

3.5. ХРИСТИАНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ, ПРАКТИКА ХРИСТИАНСТВА

Подобно тому, как структура еврейского календаря, согласно Розенцвейгу, вытекает из самой природы взаимоотношения времени и вечности в иудаизме, христианский календарь тоже является выражением отношения времени и вечности в христианстве. Эти два календаря имеют много общего по нескольким причинам. Во-первых, оба возникают в результате разворачивания одного и того же гештальта. Во-вторых, христианство возникло из иудаизма и во многом повторяет его традиции. Но именно тут можно увидеть и важные отличия между двумя религиями. Ведь хотя гештальт и один, но логика его разворачивания у каждой религии своя. Как и в иудаизме, в христианстве существуют праздники творения, откровения и избавления, но их особенности будут иными. Рассмотрим, например, анализ Розенцвейгом празднования воскресенья.

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 397–8

В основе христианского духовного года также лежит еженедельный праздник творения, который сопровождается совместным слушанием. Но церковь совершила нечто более глубокое, чем она сама создала, когда, чтобы резко отделить себя от синагоги, она переместила праздник с седьмого на первый день недели.

Иными словами, перемещение дня отдыха с седьмого дня на первый, хотя и имело внешние социальные причины, привело к существенному сдвигу сознания, отражающего различие между иудаизмом и христианством. Воскресенье, как и шаббат, рассматривается Розенцвейгом в качестве праздника творения, но сам смысл творения в христианстве оказывается иным, чем в иудаизме.

3.6. СОЦИОЛОГИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ОБЩИНЫ

Розенцвейг подчеркивает глубокую неслучайность того, что христианское общество двойственно, разделено между церковью и государством.

Находясь на границе между духовным и плотским, между сакральным и профанным христианство постоянно должно их связывать друг с другом. В иудаизме эта связь имеет внутренний характер и не нуждается в противопоставлении. В христианстве взаимодействие материального и духовного должно иметь внешнее выражение. Принцип «кесарево кесарю», как подчеркивает Розенцвейг, только усиливает реальное взаимодействие церкви и государства. И первая, и второе в результате становятся агентами истории.

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 391

Для еврея мир полон плавных переходов от «этого» к «будущему» и обратно. Для христианина его структура делится на две большие части: государство и церковь... В христианском мире они разошлись с самого начала. В поддержании этого разделения вершится с тех пор история христианского мира.

Пытаясь описать механизм генезиса социальности в церкви, Розенцвейг подчеркивает его родство с социальностью еврейской общины. И здесь совместное слушание, трапеза и преклонение играют центральную роль. Однако все эти процессы смещены в символическую область, ведь сакральному в христианстве постоянно противостоит профанное. Христианство, по мысли Розенцвейга, в своем движении постоянно пытается отвоевать окружающий его профанный мир. По этой причине центральную роль в генезисе христианской социальности играет искусство. Розенцвейг посвящает целые главы своей книги анализу христианской музыки, живописи, архитектуры.

Восхищаясь христианским искусством, Розенцвейг указывает на скрывающуюся в нем опасность. Постоянно наступая на внешний профанный мир, оно одновременно уводит человека от его живой реальности в безжизненную мифологическую мертвую область. Таким образом, пропасть между миром и человеком только расширяется.

4. ОТНОШЕНИЕ ГЕШТАЛЬТА К ДРУГИМ РЕЛИГИЯМ

4.1. ТЕОРИЯ ИСЛАМА У РОЗЕНЦВЕЙГА

Если иудаизм и христианство, по мысли Розенцвейга, воплощают в себе гештальт в полной мере, то другие религии, согласно его доктрине, воплощают разные стадии разворота гештальта. Такой подход весьма близок к гегелевскому, но описывает более сложную реальность. Розенцвейг показывает, каким образом сосуществуют религии, соответствующие разным стадиям разворота гештальта. Это позволяет Розенцвейгу создавать нетривиальные интерпретации религиозных явлений, не вмещающихся в гегельянскую схему. Правда, схема Розенцвейга временами не менее искусственная и громоздкая, чем гегелевская, но уже

сам факт ее отличия позволяет увидеть по-новому разные религиозные системы.

Примером оригинального взгляда Розенцвейга на религию, которую Гегель обошел своим вниманием, является его концепция ислама. Розенцвейг, который основательно изучал мусульманскую догматику, философию и мистику, в «Звезде избавления» посвятил исламу многочисленные главы.

Двигаясь по следам Маймонида, Розенцвейг рассматривает ислам как систему чистого монотеизма, лишённого языческих компонентов. Однако, для Розенцвейга это не всегда похвала. Например, как мы уже отметили, христианство в его концепции развивается исторически именно за счет взаимодействия монотеизма и язычества.

Основным свойством ислама, по Розенцвейгу, является то, что ислам воспринял откровение как тотальную реальность. Откровение в исламе не выстрадано и не подготовлено особыми усилиями человека, оно приходит свыше и требует от человека безоговорочного принятия. В этом плане рассматривается Розенцвейгом религия чистого разума. Истина должна быть необходимо принята просто потому, что она истина. Это сближает ислам с наукой и с философией идеализма. Ислам лишен напряженной двойственности, характерной для иудаизма и христианства.

Розенцвейг. Звезда избавления, с. 151

Мухаммед встретился с откровением как с уже готовой идеей и перенял ее, как перенимает всё готовое, то есть, не соотнося ее с ее предпосылками. Коран — это «Талмуд», для которого нет «Писания», «Новый Завет», который не основан на «Ветхом».

Как отмечает Розенцвейг, «ислам не признает связи между откровением и творением». Таким образом, гештальт в исламе разворачивает только на уровне траектории, он не имеет собственной динамики. Избавление превращается в усердие на пути Бога, т. е. борьбу с пороками и физическое распространение религии, выраженное в идее джихада. Это существенно отличается от концепции избавления в иудаизме и христианстве.

4.2. КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫЧЕСКИХ РЕЛИГИЙ

Если иудаизм и христианство рассматриваются у Розенцвейга в контексте динамики гештальта, а ислам в контексте динамики траекторий, то языческие религии интерпретируются как воплощение элемента. Это, разумеется, не значит, что они лишены динамики и гештальт в них не присутствует. Напротив, Розенцвейг превозносит древнегреческую культуру, которая превратила пластическую форму в свою основу. Однако, пластический космос язычества, как и трагическая самость человека замкнуты в себе. Динамика тут не выходит за пределы элемента. В этом видит Розенцвейг сущность мифологии. Боги античности мифологичны не в силу религиоз-

ной наивности древних греков, а, напротив, в силу их способности увидеть божественное как тотальное замкнутое в себе начало.

В данном контексте немалый интерес представляет розенцвейговская концепция религий Индии и Китая. С точки зрения Розенцвейга, дальневосточные религии пошли путем преодоления мифа, не обращаясь к откровению, преодолению космоса, рассматривая его как творение и преодоления человеческой самости, не вступая на путь избавления. Наоборот, они придали Богу, миру и человеку форму абсолютной тотальности. Одиночество человека, ставшее основой трагедии для античности и отправной точкой избавления для монотеистических религий, для индийской религиозной мысли, по мнению Розенцвейга, стала абсолютной реальностью.

4.3. ОБЩАЯ ОЦЕНКА РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РОЗЕНЦВЕЙГА

В историософии и религиоведении Розенцвейга мы находим те же недостатки, что у Гегеля — схематичность, тенденциозность, искажение фактов. Однако тут же мы должны признать и достоинства аналогичные гегелевским. Розенцвейгу удастся сопоставить и оценить изнутри явления, которые в полностью объективизированном знании сопоставляются с трудом. Можно спорить о значимости розенцвейговского сопоставления иудаизма с христианством, о его интерпретации ислама и религий Дальнего Востока, но эвристическая ценность его концепций не вызывает сомнения. Не случайно Розенцвейг пользуется большой популярностью у христианских теологов, а его книга переведена на китайский язык.

5. О ВОЗМОЖНОСТИ МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА. ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ.

Розенцвейг считается одним из классиков иудео-христианского диалога. Действительно, он был одним из первых, кто сопоставил иудаизм и христианство в целостной религиозно-философской доктрине. Однако, как мы отметили выше, теория Розенцвейга иудео-христианский диалог считает неуместным и невозможным. По мнению Розенцвейга, иудаизм и христианство сосуществуют и поддерживают существование друг друга, но непосредственно взаимодействовать не могут. Однако, в данном вопросе не стоит понимать слишком буквально не только теории Розенцвейга, но и практику, следующую из этой теории. Отрицая возможность взаимодействия иудаизма и христианства и настаивая на неизбежности взаимного отталкивания и ненависти, Розенцвейг оставил в своей переписке великолепные образцы диалога, а в своей жизни многие случаи любви и взаимопонимания с христианами.

BIBLIOGRAPHY

- Amir, Y., Turner, J., Brassler, M. (eds.) (2012) *"Faith, Truth, and Reason": the Philosophy of Franz Rosenzweig*. Freiburg: Karl Alber.
- Batnitzky, L. (2000) *Idolatry and Representation: The Philosophy of Franz Rosenzweig Reconsidered*, Princeton, NJ.
- Bienenstock, M. (2009) *Cohenface à Rosenzweig: Débats sur la pensée allemande*, Paris.
- Brasser, M. (ed.). (2004) *Rosenzweig als Leser: Kontextuelle Kommentare zum "Stern der Erlösung"*. Tübingen.
- Rosenzweig, F. (1976) *Der Stern der Erlösung. Introduction by Reinhold Mayer* Hague: Martinus Nijhoff [4th edition].
- Rosenzweig, F. (1976–1984) *Der Mensch und sein Werk. Gesammelte Schriften I–IV*. Hague: Martinus Nijhoff.
- Rosenzweig, F. (1979) *Briefe und Tagebücher. 1. Band 1900–1918. 2. Band 1919–1929. Ed. by R. Rosenzweig and E. Rosenzweig-Scheinmann*. Hague: Martinus Nijhoff.
- Rosenzweig, F. (1984) *Zweistromland. Kleinere Schriften zu Glauben und Denken. Ed. by Reinhold and Annemarie Mayer*. Dordrecht: Martinus Nijhoff.
- Rosenzweig, F. (2000) *Philosophical and Theological Writings*. Transl. and ed. by Paul W. Franks and Michael L. Morgan. Indianapolis.
- Rosenzweig, F. (2017) *Zvezda izbavleniya [Star of deliverance]*. Ed. by I. Dvorkin, transl. by E. Yanduganova. Moscow: Mosty Kul'tury, Gesharim.
- Casper, B. (1967) *Das Dialogische Denken: Eine Untersuchung der religions philosophischen Bedeutung Franz Rosenzweigs, Ferdinand Ebners und Martin Buber* Freiburg.
- Casper, B. (2004) *Religion der Erfahrung: Einführungen in das Denken Franz Rosenzweigs*. Paderborn.

ברגמן, ש.ה. הפילוסופיה הדיאלוגית מקירקגור עד בובר. ירושלים, 1974

הורביץ, ר'. פרנץ רוזנצוויג – הכוכב והאדם: קובץ מחקרים. עורך – אביעזר כהן. באר-שבע, 2010

טרנר, י. אמונה והומניזם: עיונים בפילוסופיה הדתית של פרנץ רוזנצוויג. תל אביב, 2001

מאיר, א. כוכב מיעקב – חייו ויצירתו של פראנץ רוזנצוויג, הוצאת מאגנס. 1994

עמיר, א'. דעת מאמינה – עיונים במשנתו של פרנץ רוזנצוויג, הוצאת עם עובד. 2004